
Наши степи гуманитарные,
наши улицы вне закона.
Выходи, поиграем в Нарнию,
выходи, поиграем в зону.
Потанцуем, пройдемся под руку,
сумасшедшие — божевильные.
Нам и врозь не бывает холодно,
в руках у нас связь мобильная.
Март — разлапистый, разухабистый,
раздраженный и разреженный.
Мне с тобой бы бродить до старости
в нашем марте вооружённом.
Мне с тобою играть бы в крестики,
нет, не в крестики, лучше — в нолики.
Мне бы малость твоей чудесности,
мне бы крайность твоей риторики.
Наши степи никем не признаны,
наши улицы артобстреляны.
Нас дурачат из телевизора:
то мы разные, то мы целые,
то мы черные, то мы белые...

Я не помню, каким он был,
больше помню, каким он стал:
то не плащ на нем — пара крыл,
то не кряж под ним — пьедестал.
То не солнце над ним встает,
а огромный следящий глаз,
то не воинство шло в поход,
а такие же, среди нас.
И звучал в голове металл,
для металла закон один.
То не кряж под ним — пьедестал
из живых человеческих спин.
И пока мы вот так стоим —
ядовитые, словно ртуть, —
я прошу, передай своим:
ничего уже не вернуть...

Кто читает все эти чертовы сводки?
Налей мне водки, промой мои раны,
мы с тобой в подвале сидим, как в подводной лодке,
имени русой Марии, имени плачущей Анны.
Наша лампа-лампочка, наша маленькая лампада,
желтая, жуткая, внутриматочная спираль мира.
Не гляди на меня, Мария, я боюсь твоего взгляда,
помолчим, Мария, здесь каждое слово — гиря.
Наш подвал укромн, четыре стены и стулья,
а еще эти полки с помидорами-огурцами.
Наш подвал уменьшает, съеживает, сутулит,
мы становимся даже не сестрами — близнецами.
А назавтра сводки, от которых мне сводит душу,
а назавтра снова учиться ходить по краю.
Мы идем по улице — два морячка по суше,
мы с тобою еще ни разу не умирали.